

На третий день нового года Линь Цинюй взял Хуань Туна и нескольких охранников и вместе с Лу Байшуо отплыл на юг. Дорога от столицы до Линьня по воде займет в лучшем случае месяц. Вероятно, ему придется провести Праздник фонарей в дороге.

Несмотря на то, что это поездка для доставки гроба, Линь Цинюй не собирался терпеть лишения в дороге. Он арендовал две большие двухэтажные лодки, одна из которых была специально использована для перевозки гроба Лу Ваньчэна.

Это был Новый год, время для посещения родственников и друзей. В столичную паромную гавань приходило и уходило множество лодок. Их окружал гул людских голосов. Линь Цинюй помог Хуань Туну забраться в лодку. Тот посмотрел на то место, где река встречалась с небом, и с волнением сказал: «Несколько лет назад молодой мастер покинул столицу, чтобы путешествовать с учителем. Тогда вы также долгое время путешествовали по воде, теперь я больше всего боюсь лодок».

Паромная пристань не изменилась, люди тоже, изменилось только настроение. Только тогда Линь Цинюй вспомнил, что Хуань Тун был склонен к морской болезни, он спросил: «Может вернешься в резиденцию Линь?»

«Как это возможно? — Хуань Тун твердо сказал: — Куда бы ни отправился молодой господин, я последую за вами».

Мужчины перенесли гроб на лодку. Перед смертью Лу Ваньчэн никогда бы не встал, если бы мог сидеть; никогда бы не сел, если бы мог лежать. Он выходил из дома всего несколько раз в год, чувствуя себя утомленным всякий раз, когда отправлялся далеко на лодке или в экипаже. Лу Ваньчэн однажды сказал, что будет искать таких трудностей, только если сойдет с ума. Кто знал, что даже после смерти ему придется последовать за ним в такое долгое путешествие?

Когда все было готово, лодочник поднял якорь, и лодка отчалила.

Прилив отступил, и поверхность реки была спокойной и неподвижной. Туман покрывал поверхность реки, и солнце освещало воду, половина реки была покрыта рябью, а другая половина порозовела от первых лучей солнца.

«Речной пейзаж прекрасен, ты согласен? — Линь Цинюй вытер мемориальную табличку Лу Ваньчэна и положил ее на место. — Если тебе удастся вернуться, в будущем не будь таким ленивым и время от времени выходи на прогулку».

Линь Цинюй хотел сказать что-то еще, но, когда он увидел слова «Могила Лу Ваньчэна» на табличке, то снова почувствовал себя не в своей тарелке. С тех пор как он увидел во сне этого странно одетого юношу, то, когда смотрел на гроб Лу Ваньчэна, его не покидало беспокойство.

Лу Ваньчэн уже был мертв, но этот человек мог и не быть им.

По пути на юг окружающие пейзажи за бортом лодки постоянно менялись – от равнин севера до гор юга. Несколько дней спустя они сделали короткую остановку на паромной пристани Сюньяна.

В Хунчжоу бушевала эпидемия, и их лодки не смогли бы сделать там запланированную остановку. Итак, им пришлось пополнить запасы в Сюньяне, который находился в дне пути на лодке от Хунчжоу.

Лу Байшуо спросил Линь Цинюй, не хочет ли он сойти на берег: «Я слышал, что чайные блины* Сюньяня не имеют себе равных. Линь шаоцзюнь не хочет попробовать?»

[Примечание: 饼 / bǐngchá. Прессованный чай в форме блина (диска); «чайный блин».]

Линь Цинюй это не очень заинтересовало, и он сказал: «Нет, я буду ждать тебя на лодке».

Лу Байшуо сказал: «Тогда я куплю и принесу немного. Считаю это ответным подарком за „Хунь Ян Мо Ху“... — Линь Цинюй и Лу Ваньчэн пригласили его отведать фирменное блюдо, когда он в прошлый раз ездил в столицу навестить родственников. — Тц, посмотрите, что я говорю».

Лу Байшуо знал, что оговорился. Ему не следовало поднимать этот вопрос перед Линь Цинюй. Покойного уже не было, и воспоминания о прошлом только усугубят печаль, особенно в присутствии его жены.

К счастью, Линь Цинюй не показал никакой особой реакции, только сказал: «Тогда я попрошу шестого молодого мастера купить дополнительную порцию, чтобы Ваньчэн тоже мог попробовать».

Хуань Туна так сильно укачивало, что он хотел спуститься с лодки и немного отдохнуть от качки. Линь Цинюй сказал: «Прекрасно. Отправляйтесь в город и поищите Сюн Си. Попросите магазин изготовить мемориальную табличку. Это не обязательно должно быть что-то изысканное, достаточно чего-нибудь практичного».

Хуань Тун подумал, что молодой мастер собирается установить дополнительную мемориальную табличку для молодого мастера Хоу. Он спросил: «Мне попросить их выгравировать на табличке те же слова?»

«Нет, пусть выгравируют... — Линь Цинюй задумался, размышляя, он снова и снова обдумывал надпись. — Выгравируй на нем „могила Цзян Дачжуана“».

Хуань Тун озадаченно спросил: «Кто такой Цзян Дачжуан?»

Линь Цинюй равнодушно сказал: «Одна скотина».

Лодка семьи Лу остановилась в Сюньяне на полдня. Они прошли через Хунчжоу и продолжили путь на юг. Когда они были всего в нескольких днях пути от Линьяня, Лу Байшуо и Хуань Тун один за другим заболели.

Симптомы у них были одинаковые. Сначала постоянная высокая температура, за которой следуют рвота и боли в животе. Вскоре после этого на теле начали появляться волдыри. Один из их лодочников был беженцем из Хунчжоу. Он с первого взгляда мог сказать, что эти двое были заражены свирепствующей повсюду болезнью.

«Сюньян находится всего в одном или двух днях пути от Хунчжоу. Многие в городе – это люди, сбежавшие из Хунчжоу. Хотя правительство проверяет каждого из них перед входом в город, неизбежно, что некоторых из зараженных все равно пропустят. Я боюсь, что эти два мастера подхватили болезнь в Сюньяне. — Лодочник закрыл нос руками и держался на расстоянии от них двоих. — Пожалуйста, не обижайтесь, господин, но, если у вас такая болезнь, вам остается только смириться с судьбой. Если вам не повезет, даже император не сможет вам помочь».

В каюте Лу Байшуо и Хуань Тун бредили в лихорадке. Всего через день после начала болезни они уже не могли ясно мыслить, волдыри распространились по их телам до шеи.

Линь Цинюй хотел осмотреть их двоих, но лодочник быстро остановил его: «Господин, вы не должны. Эта болезнь заразна!»

Цинюй открыл медицинскую коробку, которую дал ему Лу Ваньчэн, и сказал: «Вам всем просто нужно держаться подальше».

Ху Цзи напомнил Линь Цинюй об эпидемии, и тот заранее подготовился. Однако он никак не думал, что кто-то из них заразится, и все случится так быстро и так срочно. Он закрыл рот и нос повязкой из хлопчатобумажной ткани и велел остальным членам команды сделать то же самое. На следующей остановке он приказал остальным сойти на берег, чтобы купить для него лекарственные материалы, а сам остался на лодке ухаживать за больными.

У Хуань Туна только что закончился приступ рвоты, и он находился в редком для него состоянии бодрствования. Увидев, что Линь Цинюй собирается сделать ему иглоукалывание, он поспешно сказал: «Молодой господин, не подходите!»

Линь Цинюй взял его за плечи, чтобы юноша не двигался, и спросил: «Ты мне доверяешь?»

Хуань Тун кивнул, его глаза покраснели: «Молодой господин – лучший лекарь в мире».

Линь Цинюй сказал: «Кроме отца и учителя. Я попробую на тебе кое-какие лекарства. Не бойся, это все легкие лекарства. Даже если они неэффективны, они не повредят телу».

«Молодой господин, можете использовать все, что хотите. Я верю в молодого господина...»

Линь Цинъюй нанес на обоих пациентов лекарственный порошок, он лично составлял и готовил их лекарства. У него не было стопроцентной уверенности в эффективности, он действовал в зависимости от ситуации, увеличивая или уменьшая количество лекарств.

Когда в прошлом году разразилась эпидемия, он написал письмо своему учителю. В своем ответном письме учитель изложил многие свои взгляды на эпидемию. Линь Цинъюй черпал вдохновение из его слов, и это было очень полезно при разработке лекарства.

Благодаря тщательному уходу в течение нескольких дней лихорадка Хуань Туна и Лу Байшуо спала. Один за другим волдыри на их телах лопались и покрывались коркой, и не было никаких признаков повторного появления. Они вдвоем пролежали в постели еще пару дней, после чего, казались полностью выздоровевшими. На их телах осталось множество шрамов, но, к счастью, это не повредило лицам.

Лу Байшуо был преисполнен благодарности к Линь Цинъюй и сразу же назвал его своим вторым родителем. Линь Цинъюй сказал: «Забудь о том, чтобы объявить меня вторым родителем. Если возможно, могу я попросить шестого молодого мастера найти кого-нибудь, кто отправил бы мое письмо в столицу? Его нужно передать императорскому лекарю Ху, Ху Цзи».

Он записал в письме все рецепты, которые он использовал для лечения их двоих, надеясь помочь Императорской медицинской канцелярии.

С такой задержкой этот Праздник фонарей они могли отпраздновать только на борту лодки. Лодочник припарковал лодку у паромной пристани у городских ворот, и Линь Цинъюй поднялся на второй этаж. Поверх речных волн они смутно видели огненные деревья и серебряные цветы* города. Это было ослепительно, напоминая ему об улыбке в глазах того человека всякий раз, когда он смотрел на него.

[Примечание: 火树银花 / huǒshù yín huā. Огненные деревья и серебряные цветы (обр. в знач.: море огней; ослепительная иллюминация; яркие огни). Море огней; ослепительная иллюминация, фейерверки.]

«Молодой господин, быстрее! Смотрите!»

Линь Цинъюй посмотрел в ту сторону, куда указывал Хуань Тун, и увидел фонари-лотосы, плывущие вниз по течению от города; они плыли по реке как звезды. Линь Цинъюй некоторое время наблюдал за происходящим и спросил: «У нас еще есть вино?»

С другой стороны, Лу Байшуо проснулся после дремоты. Не увидев ни слугу, ни хозяина семьи Линь, он вышел на палубу, чтобы поискать их. Среди морозного лунного света лицом к ветру сидел человек в белом, его длинные черные волосы, перевязанные шелковой лентой, развевались на ветру; его одежда была чиста как снег. Его прекрасный образ, когда он поднял

лицо, чтобы выпить вино, затмевал луну.

На какое-то время Лу Байшуо показалось, что он увидел бессмертного. Только когда лодочник увидел застывшего его и громко крикнул «господин», он пришел в себя.

«Лекарь Линь».

Рука Линь Циньюй, держащая чашу с вином, замерла. Он вдруг встал и оглянулся. В тот момент, когда он увидел Лу Байшо, свет в его глазах быстро погас.

Лу Байшо был немного смущен и растерянно спросил: «Лекарь Линь?»

С тех пор как он узнал о медицинских навыках Линь Циньюй, Лу Байшо почувствовал, что ему больше подходит титул «лекарь», чем «шаоцзюнь». В тот день, когда Линь Циньюй вышел замуж, войдя в резиденцию Хоу через брак Чун Си – это действительно было растратой несравненного таланта.

Линь Циньюй успокоился и легко сказал: «Ничего».

В ночь на Праздник фонарей этого года луна и фонари были такими же, как и раньше.

Прошла треть его 100-дневного обещания этому человеку.

Когда они прибыли в Линьань, Лу Байшуо позаботился о многих вопросах, связанных с похоронами, так что Линь Циньюй не нужно было беспокоиться об этом. Как только ветвь семьи Лу узнала, что прибыл супруга-мужчина их семьи, все они захотели прийти посмотреть, что вызвало настоящий ажиотаж. Жаль, что Линь Циньюй не дал им шанса. Он даже не вошел в родовой дом семьи Лу, вместо этого остановившись в гостинице снаружи. Он не появлялся до дня похорон Лу Ваньчэна.

Он бесстрастно смотрел, как гроб Лу Ваньчэна был похоронен в родовой гробнице семьи Лу. Члены другой ветви семьи сильно плакали, а ведь некоторые из них даже никогда не видели лица Лу Ваньчэна. Видя его таким спокойным, многие люди сплетничали за его спиной. Раз он не выказывал ни малейшей грусти, то это подтверждает слухи о том, что он был проклятием для семьи своего мужа.

Однако хоронили Лу Ваньчэна. Какое отношение это имеет к тому человеку по фамилии Цзян? Человек по фамилии Цзян просто одолжил это тело на год. Линь Циньюй так долго работал над организацией похорон, это уже можно рассматривать как выплату долга за этого человека по фамилии Цзян.

На втором месяце Линь Циньюй наконец вернулся в столицу. Похороны Лу Ваньчэна завершились. Ему пора было вернуться в резиденцию Наньань Хоу, чтобы подготовиться к

разделу имущества и отделению от семьи.

Как только Линь Цинюй прибыл в резиденцию Наньань Хоу, Ху Цзи сразу же отправился на его поиски, взволнованно сообщив ему две хорошие новости.

Во-первых, его рецепт для лечения болезни действительно оказался чудодейственным и эффективным. После небольшого усовершенствования Императорской медицинской канцелярией он был распространен во всех девятнадцати провинциях Даюй.

Во-вторых, на северо-западной границе генерал Гу, Гу Фучжоу, внезапно вернулся с грани смерти, продержавшись еще два дня. В течение этих двух дней Линь Пань Юань наконец нашел способ рассеять этот необычный яд Западного Ся. Теперь остатки яда в теле Гу Фучжоу были очищены. Сейчас для полного восстановления ему был нужен лишь отдых.

«Я слышал, что после того, как генерал Гу проснулся, он увидел Пань Юаня и объявил его своим вторым родителем, настаивая на том, чтобы тот стал его названным отцом. Пань Юань много раз отказывался, но это было бесполезно. Ему пришлось стиснуть зубы и принять генерала как названного сына. Ху Цзи сказал с улыбкой: «В таком случае разве шаоцзюнь теперь не названный брат генерала Гу?»»

Названный брат?

По какой-то причине Линь Цинюй ощутил тонкое чувство знакомства. В любом случае, оба этих события действительно стоило отпраздновать. Спустя долгое время он наконец вздохнул с облегчением и сказал: «Поскольку генерал Гу жив и здоров, не пора ли моему отцу вернуться в столицу?»»

«Должно быть, — сияя, сказал Ху Цзи. — Линь шаоцзюнь, вы знали? Когда император услышал, что лекарство от эпидемии придумал сын Линь Пань Юаня и жена молодого мастера Хоу, он дал понять, что желает пригласить вас во дворец для встречи с ним».

<http://bllate.org/book/15122/1336660>